Свящ. Н. Боголюбовъ.

# МАРКСИЗМЪ и НАУКА.

НѢЖИНЪ
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1912.

Печатано по постановленію Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ князя Безбородко.

Предсѣдатель Общества *П. Тихомировъ.*

# Марксизмъ и наука.

Какъ для Маркса и Энгельса, такъ и для всѣхъ правовѣрныхъ марксистовъ научный характеръ теоріи матеріалистическаго пониманія исторіи не оспоримъ. Особенность своего „новаго“ соціализма они и усматриваютъ именно въ его научности. Съ этой теоріей, по ихъ мнѣнію, соціализмъ сошелъ съ зыбкой почвѣ утопій и всталъ прочно на твердую и положительную почву науки. Между тѣмъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что „марксистская наука“—наука sui generis. Это—вовсе не здравая, осторожная наука, тщательно разсматривающая факты и не спѣша дѣлающая свои выводы. „Соціальная наука вообще, говоритъ проф. С. Н. Булгаковъ, политическая экономія въ частности совершенно безсильны приподнять завѣсу будущаго, пойти дальше лишь болѣе или менѣе основательныхъ догадокъ относительно ближайшаго будущаго, завтрашняго историческаго дня, она неспособна къ соціальному пророчеству... Не то, чтобы соціальная наука не дошла до этого, нѣтъ, въ методахъ ея, въ ея научныхъ пріемахъ совершенно отсутствуютъ для этого данныя. Просто, не можетъ быть установленъ единый универсальный законъ развитія, подобный ну что ли закону тяготѣнія“[1]). Подобная осторожность марсистской наукѣ совершенно чужда. Эта наука и ставитъ себѣ въ заслугу именно то, что она сняла непроницаемую завѣсу съ будущаго, поставила соціальную науку на такую же ступень совершенства, на какой находятся естественныя науки, сдѣлала возможнымъ и въ этой

---

[1]) Первохристіанство и новѣйшій соціализмъ Вопр Философіи и Психол кн 98 (III 1909). Стр 254.

области предвѣдѣніе и пророчество. И нужно замѣтить, что безъ подобныхъ притязаній марксистская наука не имѣла бы никакого значенія. Дѣйствительно, чѣмъ бы сталъ марксизмъ безъ пророчества о Zukunftstaat, томъ „будущемъ, когда объективныя, чуждыя силы, господствовавшія до сихъ поръ въ исторіи, подпадутъ подъ контроль самихъ людей", когда „люди будутъ вполнѣ сознательно создавать свою исторію",— словомъ когда человѣчество совершитъ „прыжокъ ихъ царства необходимости въ царство свободы"?[1]) Отвергать всякую идейность, какъ „идеологическую надстройку" и исповѣдывать одно стихійное начало можно только въ томъ случаѣ, если законъ развитія этой стихійности извѣстенъ, и человѣкъ можетъ стихійныя силы, дѣйствующія въ исторіи, взять въ свои руки и подчинить ихъ себѣ. Безъ знанія будущаго, безъ пророчества марксистская наука съ ея вѣрой въ стихійность не могла бы человѣка вдохновлять къ дѣятельности и руководить его въ ней. Возможность пророчествованія, слѣдовательно, для этой науки—существенная необходимость. Съ ней она стоитъ и падаетъ.

На чемъ же основываются подобныя притязанія этой науки?—На перенесеніи въ область соціологіи методовъ и принциповъ естественныхъ наукъ.

Марксизмъ стремится внутренне объединить между собою два положенія, а именно: вѣру въ разумъ, въ его силу и могущество и вѣру въ стихійныя силы природы, по отношенію къ которымъ разумъ—не болѣе, какъ пассивное отраженіе. Такъ, онъ стремится съ одной стороны установить, что вся сознательная дѣятельность человѣка не играетъ никакой роли въ процессѣ историческаго развитія, что исторію создаютъ естественныя, стихійныя силы, которыя по своей природѣ чужды сознанію, которыя сознаніе отражаетъ лишь внѣшне, подобно тому, какъ, напр., зеркало отражаетъ предметъ, находящійся предъ нимъ. „Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе,

---

[1]) Фр. Энгельсъ. Философія, политическая экономія и соціализмъ Перев. съ нѣм. Цедербаумъ. Спб. 1906 Стр 306—307.

говоритъ Марксъ, но напротивъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе“[1]) Съ другой стороны марксизмъ стихійно создающееся человѣческое общество не признаетъ должнымъ и нормальнымъ; онъ стремится къ тому, чтобы разумъ, осознавъ слѣпо дѣйствующія въ человѣческимъ обществѣ стихійныя силы, осилилъ ихъ, взялъ въ свои руки и явился самъ въ роли созидателя человѣческаго общества; и отъ начала до конца марксизмъ проникнутъ убѣжденіемъ, что разумъ въ состояніи это сдѣлать, что въ концѣ концовъ наступитъ въ исторіи такой моментъ, когда стихійное начало изчезнетъ изъ человѣческаго общества и будетъ замѣнено началомъ разумнымъ и сознательнымъ. Проводя первую точку зрѣнія, марксизмъ держится строго основъ эмпиризма; выясняя же вторую, онъ выступаетъ, какъ раціоналистическое ученіе (точнѣе, поскольку онъ въ этомъ пунктѣ не можетъ удержаться на почвѣ чистой логики, какъ своеобразное мистическое ученіе). Отсюда характерной особенностью марксизма, какъ соціологической теоріи, является сочетаніе чистаго эмпиризма съ раціонализмомъ (мистицизмомъ).

Такое сочетаніе въ области соціологіи эмпиризма съ раціонализмомъ въ исторіи философіи не—новость. Оно является, напр., особенностью просвѣтительной французской философіи XVIII в., такъ что марксизмъ можно признать отраженіемъ въ XIX ст. того же самого мышленія, которое проявилось въ этой философіи.

На первый взглядъ представляется такое сочетаніе непонятнымъ: но это тотчасъ уяснится, какъ скоро мы обратимъ вниманіе на то, что какъ у французскихъ философовъ XVIII в., такъ и у Маркса основнымъ вопросомъ, на разрѣшеніи котораго сосредоточивается ихъ мысль, является не теоретическій вопросъ о нашемъ знаніи и условіяхъ нашей познавательной дѣятельности, а вопросъ практическій,—вопросъ о тѣхъ сред-

---

[1]) Къ критикѣ политической экономіи. Перев. съ нѣм Румянцева. Спб. 1907. Стр. XIII. Предисл.

ствахъ, съ помощью которыхъ можно было бы реформировать современное общество.

Выступая же въ роли реформаторовъ, они стремятся занять по отношенію къ обществу такое же положеніе, какое занимаетъ человѣкъ по отношенію къ внѣшней природѣ. Послѣдній воздѣйствуетъ на природу, видоизмѣняетъ ее сообразно своимъ цѣлямъ, но лишь въ той степени, въ какой познаетъ ея силы и законы. Его дѣятельность въ отношеніи къ природѣ является такимъ образомъ цѣлесообразной, или планомѣрной лишь постольку, поскольку она является законосообразной. Человѣкъ господствуетъ надъ природой, подчиняясь ей и познавая ея собственные силы и законы. Его разумъ потому только и явился въ этомъ отношеніи мощной силой, что отказался растолковывать природу съ чисто человѣческой точки зрѣнія и рѣшился посмотрѣть въ ея лицо пытливымъ, чуждымъ всякой тенденціозности взглядомъ. „Природа не имѣетъ человѣческаго облика, она не дѣйствуетъ по человѣчески, она живетъ по своимъ собственнымъ законамъ, и потому наше познаніе, чтобы стать истиннымъ, должно только чисто отражать ея явленія и ихъ теченіе, а не вносить сюда что-нибудь отъ себя, не создавать образъ природы изъ своихъ собственныхъ нѣдръ“,—вотъ положеніе, принявши которое за руководственное правило, естественныя науки, т. е. науки о природѣ стали мощными по своимъ результатамъ.

Что же мы видимъ въ этомъ случаѣ? Своеобразное сочетаніе эмпиризма съ раціонализмомъ. Такъ, съ одной стороны здѣсь проявляется эмпирическій элементъ: признается, что разумъ долженъ только прилежно наблюдать природу, какъ начало внѣшнее и чуждое себѣ, а не построять ея образъ на основаніи своихъ собственныхъ умозрѣній; съ другой стороны здѣсь выступаетъ и элементъ раціоналистическій: разумъ вѣрятъ, что, поступая подобнымъ образомъ, онъ вполнѣ постигаетъ дѣйствительность; тщательно всматриваясь въ природу, отрѣшаясь отъ своихъ тенденцій при ея разсмотрѣніи, онъ въ тоже время чувствуетъ, что отстается въ отношеніи къ

природѣ внутренне свободнымъ и независимымъ, остается самимъ собой, съ своими цѣлями и планами.

Такое же точно положеніе въ отношеніи къ обществу желаютъ занять и реформаторы, подобные французскимъ философамъ XVIII в. или Марксу. Они пытаются установить, что разумъ, оставаясь самимъ собой, съ своими взглядами о лучшемъ и нормальномъ обществѣ, долженъ разсматривать человѣческое общество, какъ нѣчто внѣшнее и чуждое себѣ. Вслѣдствіе этого они обыкновенно упрощаютъ человѣческую психологію. Такъ, французскіе философы признавали единственнымъ двигателемъ поведенія человѣка „стремленіе къ наслажденію". Марксъ идетъ въ этомъ отношеніи даже далѣе, считая экономическій интересъ, какъ стремленіе къ непосредственному поддержанію жизни, основнымъ закономъ, опредѣляющимъ человѣческую психологію и дѣятельность[1]). Путемъ подобнаго упрощенія человѣческой психологіи они расчищаютъ путь разуму для чистыхъ наблюденій въ этой области, для установленія твердыхъ и неизмѣнныхъ законовъ, а чрезъ это даютъ ему въ руки и средство воздѣйствовать на общество въ желательномъ для себя направленіи.

Французскіе философы XVIII в. лишь нѣсколько поспѣшили съ своей вѣрой въ разумъ, какъ начало, способное стать реформаторомъ общества. Упростивши человѣческую психологію, признавши, что человѣкъ есть не болѣе, какъ „чувствующее и разсуждающее существо, избѣгающее страданій и стремящееся къ наслажденію", почувствовавши такимъ образомъ лишь въ теоріи, или въ созерцаніи силу разума, какъ такой способности, для которой внутренняя человѣческая жизнь не представляетъ ничего загадочнаго, они отсюда вывели, что стоитъ лишь распространить просвѣщеніе въ народныхъ массахъ,—и создастся новый общественный строй. Они выпустили изъ вниманія, что силу разума надобно пережить не только въ теоріи, а и на практикѣ. Греческій мудрецъ, вѣдь, въ

[1]) Туганъ-Барановскій. Теоретическія основы марксизма Изд. 2. Спб. 1905 Стр. 38.

области созерцанія переживалъ и очень интенсивно силу и значеніе разума въ отношеніи къ внѣшней природѣ, тѣмъ не менѣе науки о природѣ, какъ культурной силы, онъ не создалъ. Точно также не создали и французскіе философы XVIII в. науки объ обществѣ, какъ реформаціонной силы. Они позабыли, что этотъ разумъ, смотрящій на общество, какъ на нѣчто внѣшнее и чуждое себѣ, и потому сознающій свою способность измѣнить его сообразно своимъ планамъ, надобно воплотить въ чемъ-нибудь конкретномъ, чтобы онъ имѣлъ дѣйствительную силу, что для абстрактной идеи необходимо найти носителя, чтобы она могла войти въ среду дѣйствительной жизни. Словомъ они поступили въ этомъ случаѣ такъ же, какъ поступилъ бы тотъ ученый, который, рѣшивъ чисто отвлеченно извѣстную задачу, напр., использованіе силы какого-нибудь водопада, на этомъ и покончилъ бы свое дѣло, позабывъ уяснить себѣ техническую сторону этого вопроса. Отсюда вся ихъ соціальная философія приняла односторонній интеллектуалистическій характеръ.

Такой ошибки Марксъ, какъ философъ XIX ст., допустить уже не могъ. XIX вѣкъ—время постепеннаго развитія въ философіи взгляда на приматство воли предъ разумомъ, или волюнтаризма. Поэтому Марксъ не могъ, подобно французскимъ философамъ XVIII ст., увѣровать въ чисто отвлеченный, или абстрактный разумъ. Вслѣдствіе этого, держась въ существѣ дѣла того же самаго интеликтуализма, который проявился во французской философіи XVIII в., онъ дополняетъ его, рѣшая именно техническую сторону вопроса о разумѣ, какъ началѣ, способномъ реформировать современный строй общества. Его собственное творчество и состояло именно въ томъ, что онъ нашелъ въ современномъ обществѣ такой классъ людей, который спобенъ стать живымъ носителемъ разума, выступающаго въ роли общественнаго реформатора. Это—классъ пролетаріевъ. Въ немъ Марксъ какъ разъ и увидѣлъ того проводника способной реформировать общество идеи, о которомъ забыла французская философія XVIII в. Классъ пролетаріевъ явился

для него воплощеніемъ того разума, который, смотря на общество, какъ на нѣчто внѣшнее и чуждое себѣ, опредѣляя законы его жизни, въ тоже самое время остается самимъ собой, съ своими взглядами о лучшемъ и нормальномъ.

Сознаніе этого класса было естественно проникнуто стихійными элементами, но въ тоже самое время оно въ силу именно своего пріобщенія къ стихійности естественно стремилось къ преодолѣнію своего фактическаго положенія и къ будущему, какъ къ единственной для себя утѣхѣ. Такимъ образомъ въ пролетарскомъ сознаніи какъ бы само собою связывались стихійность и движеніе впредъ, преодолѣніе настоящаго. Оставалось поэтому, въ цѣляхъ упроченія связи разума, какъ начала, способнаго реформировать общество, съ самосознаніемъ рабочаго класса, поставить самосознаніе этого класса на объективную почву, выставить его не ограниченнымъ субъективнымъ самосознаніемъ, а самознаніемъ нормальнымъ, придать ему характеръ общечеловѣческаго самосознанія.

Это Марксъ и дѣлаетъ, выработывая совмѣстно съ Энгельсомъ теорію матеріалистическаго пониманія исторіи.

„Гдѣ положительная возможность эмансипаціи нѣмецкаго народа? ставитъ Марксъ вопросъ въ своемъ „Введеніи къ критикѣ философіи права Гегеля“ и даетъ на него такой отвѣтъ: „въ созданіи общественнаго класса, связаннаго *радикальными оковами*; общественнаго класса, который въ тоже время не принадлежитъ къ общественному строю; сословія, разлагающаго всѣ сословія; общественной формы, которой ея универсальныя страданія сообщали бы характеристическія черты универсализма; которая не требовала бы себѣ *особенныхъ правъ*, потому что относительно ея *нарушены права* не въ какомъ либо *особенномъ* отношеніи, но *нарушена правда вообще*; общественнаго слоя, который не могъ бы уже ссылаться на какіе бы то ни было *историческіе* прерогативы, но на свою человѣческую природу; который находился бы не въ какомъ либо частномъ противорѣчіи съ результатами германскаго строя, а во всестороннемъ противорѣчіи со всѣми основами этого

строя; общественной сферы, наконецъ, которая не можетъ завоевать себѣ свободы, не освободившись отъ всѣхъ прочихъ общественныхъ сферъ и тѣмъ самымъ не доставивъ свободы всѣмъ этимъ сферамъ; которая, короче, представляла бы *полную потерю* всего, принадлежащаго человѣку, и могла бы поэтому завоевать себѣ мѣсто въ жизни, лишь *снова пріобрѣтя* себѣ *сполна всѣ права человѣка*. Особенный классъ, представляющій это разложеніе общества, есть *пролетаріатъ*"[1]). Теорія матеріалистическаго пониманія исторіи и даетъ этому классу духовное оружіе, — то оружіе, безъ котораго, „ни одинъ классъ не можетъ сыграть (освободительной) роли", а именно даетъ ему возможность вызвать энтузіазмъ въ своей средѣ и въ массахъ, признавъ себя, равно какъ и явившись въ глазахъ другихъ представителемъ всего общества[2]). Съ этой теоріей самосознаніе пролетаріата крѣпнетъ; принимая ее, пролетарій можетъ съ паѳосомъ воскликнуть: „я вступаю въ борьбу съ современнымъ обществомъ, спасая себя, преслѣдуя свой личный эгоистическій интересъ, но предъ этимъ эгоизмомъ надобно склониться въ благоговѣніи; какъ рабочая сила, я одинъ являюсь источникомъ всѣхъ тѣхъ благъ, которыми распалагаетъ современная культура; сознаніе само по себѣ, сознаніе, непріобщенное къ стихійности, оторвавшееся отъ питающей его земли, для человѣчества не имѣетъ ровно никакого значенія въ его стремленіи къ будущему, оно можетъ въ этомъ своемъ видѣ быть лишь тормазомъ на его пути къ прогрессу; спасая себя, слѣдовательно, я спасаю все человѣчество".

Ни Марксъ, ни Энгельсъ правда, сами не высказали того энтузіазма, который можетъ вызывать въ сознаніи пролетаріата ихъ теорія матеріалистическаго пониманія исторіи. Но совершенно въ ихъ духѣ, разумѣется, mutatis mutandis, это ярко выражено Лассалемъ въ его „Программѣ работниковъ". „Если революція 1789 года, говоритъ онъ здѣсь, была рево-

---

[1]) Перев. съ нѣм. съ предисл. П. Лаврова. Спб 1906. Стр. 46—47.
[2]) Тамъ-же. Стр. 43—44.

люціей третьяго сословія, то въ новую революцію на первый планъ выступаетъ уже сословіе четвертое; оно стремится сдѣлать свой принципъ господствующимъ принципомъ всего общества, оно старается ввести его во всѣ государственныя установленія... Четвертое сословіе однако въ своемъ господствѣ имѣетъ одну характерную черту, одно бросающееся въ глаза отличіе большой важности. Сословіе это по своему общественному положенію ниже всѣхъ остальныхъ; это совершенно обездоленный классъ людей, не могущихъ выдвинуть никакого исключительнаго условія юридическаго или матеріалистическаго; сословіе это не обладаетъ ни знатными предками дворянъ или ихъ земельной собственностью, ни капиталомъ буржуазіи, словомъ—не обладаетъ ни однимъ изъ факторовъ, которые могли бы послужить для созданія классовыхъ привиллегій и наложили бы отпечатокъ на общественныя учрежденія эпохи господства четвертаго сословія. Всѣ мы постольку, поскольку стремимся быть полезными обществу, работники, и поэтому то четвертое сословіе, лишенное даже въ зародышѣ сословныхъ привиллегій, можно съ полнымъ правомъ отожествить со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Дѣло четвертаго сословія поистинѣ дѣло всего человѣчества, его свобода есть общечеловѣчекая свобода, а его свобода есть истинное господство всѣхъ. Съ перваго взгляда должно показаться противорѣчіемъ, что низшіе классы обладаютъ меньшимъ своекорыстіемъ, чѣмъ высшіе, ибо эти послѣдніе находятся, обладая въ полной мѣрѣ всѣми образовательными и воспитательными средствами, въ условіяхъ, болѣе благопріятныхъ для развитія истинной нравственности. Настоящая причина такого страннаго и сразу непонятнаго противорѣчія лежитъ въ слѣдующемъ... Издавна развитіе народовъ и духъ исторіи имѣютъ тенденцію все больше и больше уничтожать тѣ привиллегіи, которыми обусловливается первенствующее положеніе въ государствѣ высшихъ классовъ. Въ противоположность и противовѣсъ этому историческому ходу каждый членъ высшихъ классовъ изъ-за личныхъ интересовъ старается поддер-

жать падающія привиллегіи, стремится сохранить ихъ въ силѣ, если только особенно широкій кругозоръ его мысли не позволилъ ему отрѣшиться отъ собственныхъ, непосредственныхъ выгодъ и не отодвинулъ ихъ на задній планъ; но много ли людей съ такимъ широкимъ кругозоромъ,—они всегда составляли и составляютъ немногочисленныя исключенія. Вотъ это-то свойственное большинству членовъ высшихъ классовъ стремленіе къ сохраненію привиллегій дѣлаетъ ихъ принципіальными и упорными врагами развитія народа, распространенія просвѣщенія, прогресса культуры, поднятія общаго духа общественной жизни и побѣдъ историческаго ея теченія... У низшихъ классовъ общества, къ ихъ огромному счастію, подобнаго противорѣчія между личными интересами и культурнымъ развитіемъ всего народа совершенно не имѣется... Разъ низшіе классы общества желаютъ улучшенія своего классоваго положенія, разъ они заботятся объ интересахъ всего своего класса,—ихъ личный интересъ уже не противорѣчитъ историческому прогрессу и не дѣлаетъ сословіе существенно безнравственнымъ: больше того—личный интересъ въ такомъ случаѣ по своему направленію вполнѣ совпадаетъ съ развитіемъ всего народа, съ побѣдой передовыхъ идей, съ прогрессомъ культуры, съ наиболѣе жизненымъ принципомъ историческаго развитія, съ принципомъ, состоящимъ въ развитіи свободы. Дѣло низшаго класса становится дѣломъ всего человѣчества. Вы, М. Г., являетесь представителемъ четвертаго сословія и, какъ таковые, вы въ счастливомъ положеніи; вы не умерли для важнѣйшаго историческаго идеала, а наоборотъ въ силу вашихъ личныхъ интересовъ особенно къ нему воспріимчивы. Вашъ личный интересъ совпадаетъ съ бьющимся пульсомъ исторіи, съ стремленіемъ къ животворящему нравственному принципу. Стремитесь поэтому впередъ по избранному вами пути со всею силою вашей личной страсти, ваша нравственность вмѣстѣ съ нею будетъ прогрессировать, и вашъ нравственный обликъ будетъ становиться тѣмъ выше, чѣмъ ярче будетъ пылать эта страсть... Сознаніе, что сословію, къ которому при-

надлежишь, суждено стать господствующимъ, что оно и только оно возведетъ свой сословный принципъ въ принципъ общества цѣлой эпохи, что оно сдѣлаетъ руководящей для всего общества идею, составляющую неотъемлемую принадлежность этого сословія, и такимъ образомъ пересоздастъ его по своему образу и подобію, – все это не можетъ не облагородить и отдѣльныхъ членовъ сословія и все сословіе и не придать ему особеннаго высоконравственнаго отпечатка. Все ваше существо должно быть проникнуто сознаніемъ великой чести, выпавшей на вашу долю, сознаніемъ всемірно-исторической великой роли, вами играемой; вы должны теперь избавиться и оттолкнуть отъ себя и пороки униженныхъ, и оскорбленныхъ, и праздныя развлеченія ни надъ чѣмъ не задумывающихся людей, и даже невинное легкомысліе ничтожества. Вы тотъ камень, на которомъ создастся церковь будущаго. Высоко-нравственная строгость руководящаго принципа должна съ неумолимой исключительностью овладѣть вашимъ чувствомъ, наполнить вашу душу и сдѣлать всю вашу жизнь достойной этого принципа, пересоздать ее соотвѣтственно съ собою и увлечь за собой. Нравственная сторона принципа не должна никогда разставаться съ вами, она дожна слиться съ вашимъ внутреннимъ „я“, быть передъ вами и въ мастерской за работой, и въ часы отдыха, на прогулкѣ, на собраніяхъ; она не должна покидать васъ даже тогда, когда вы ляжете на свое жесткое ложе для отдыха, и тутъ, пока сонъ не смежитъ вашихъ глазъ, идея эта должна наполнять вашу душу и занимать васъ. Вдумайтесь, старайтесь проникнуть въ смыслъ этой идеи, въ ея нравственное значеніе, и пусть она овладѣетъ душой вашей безраздѣльно. Чѣмъ пламеннѣе отнесетесь вы къ своей задачѣ, тѣмъ болѣе вы ускорите наступленіе господства истиннаго принципа переживаемаго историческаго періода, тѣмъ совершеннѣе и быстрѣе исполните свою миссію“[1]).

---

[1]) Программа работниковъ Перев. съ нѣм. Спб. Изд. Врублевскаго. Стр. 29; 32—33; 34; 38—39.

Съ принятіемъ, такимъ образомъ, теоріи матеріалистическаго пониманія исторіи самосознаніе пролетаріата крѣпнетъ. Пролетаріату открывается возможность смотрѣть на свою борьбу, какъ на борьбу за все содержаніе человѣческой жизни. „Новый путь, открытый соціализму Марксомъ, справедливо говоритъ Туганъ-Барановскій, заключается въ геніально простомъ положеніи,—что цѣли соціализма могутъ быть достигнуты лишь путемъ классовой борьбы за свой интересъ того общественнаго класса, на который обрушивается вся тяжесть капиталистической системы... Борясь за свои интересы, этотъ классъ борется за интересы всѣхъ угнетаемыхъ и эксплуатируемыхъ классовъ капиталистическаго общества. Поэтому его побѣда равносильна прекращенію всякаго угнетенія и эксплоатаціи, равносильна побѣдѣ всѣхъ угнетенныхъ[2])".

Своей теоріей матеріалистическаго пониманія исторіи Марксъ и Энгельсъ такимъ образомъ разрѣшили вопросъ, оставшійся нерѣшеннымъ въ просвѣтительной французской философіи XVIII в.,—вопросъ о носителѣ того разума, который, смотря на общество, какъ на нѣчто внѣшнее и чуждое себѣ, въ тоже время оставался бы самимъ собою, оставался бы разумомъ и сознаніемъ.

Разрѣшивъ же подобнымъ образомъ этотъ вопросъ, Марксъ и Энгельсъ естественно центръ тяжести его перенесли изъ области соціальной теоріи въ область соціальной практики и тѣмъ самымъ окончательно какъ будто сблизили соціальную науку съ естествознаніемъ, давъ ей, повидимому, возможность занять по отношенію къ чисто теоретическимъ вопросамъ такую же точно позицію, какую занимаютъ положительныя естественныя науки. Если бы послѣднимъ кто нибудь поставилъ на видъ, что ихъ теоретическіе взгляды въ своей основѣ довольно неопредѣленны, представитель ихъ замѣтилъ бы, что дѣло не въ теоріи, а въ практикѣ, что не важно заниматься рѣшеніемъ вопроса о сущностяхъ или тому подобномъ, что надобно

---

[2]) Какъ осуществится соціалистическій строй. Міръ Божій. 1906. Кн. V. Стр. 183.

умѣть разобраться въ дѣйствительныхъ явленіяхъ и овладѣть вполнѣ тѣмъ, что даетъ намъ природа. „Посмотрите на все, что за послѣднее время сдѣлали эти науки,—и это скорѣе убѣдитъ васъ въ томъ, что онѣ находятся на правильномъ пути къ истинѣ, чѣмъ чисто теоретическія разсужденія объ условіяхъ и границахъ нашей познавательной дѣятельности",—вотъ что сказалъ бы въ отвѣтъ на возраженіе представитель естественныхъ наукъ.

Тѣмъ же самымъ аргументомъ Марксъ оберегаетъ и соціальную науку отъ подобныхъ возраженій. „Вопросъ о томъ, познаетъ ли человѣческая мысль объективную истину, говоритъ онъ, есть вопросъ не теоріи, а практики. Человѣкъ практикой доказываетъ истину, т. е. дѣйствительность и силу, реальность своей мысли. Споръ объ объективной истинности или неистинности мысли, поскольку споръ этотъ не касается практики, есть чисто схоластическій споръ. Практика составляетъ самую сущность общественной жизни. Весь загадочный элементъ исторіи, приводящій теорію къ мистицизму, находитъ свое раціональное объясненіе въ практикѣ человѣческой дѣятельности и въ пониманіи этой практики"[1]).

Такимъ образомъ марксизмъ стремится посмотрѣть на человѣческое общество такими же глазами, какими смотрятъ естественныя науки на внѣшнюю природу.

Но правильно ли поступаютъ соціальные реформаторы, подобные французскимъ философамъ XVIII в. или Марксу, стремясь занять по отношенію къ человѣческому обществу такое же положеніе, какое занимаетъ человѣкъ по отношенію къ внѣшней природѣ? Насколько истина подобная мысль? Она, понятно, слишкомъ соблазнительна; но по этому самому требуетъ къ себѣ очень осторожнаго и внимательнаго отношенія. Нечего говорить, что перенесеніе методовъ и принциповъ, оказавшихся плодотворными въ одной области предметовъ человѣческаго знанія,—на основаніи ли умозрительныхъ сообра-

[1]) Engels. Ludwig Feuerbach. 1895. Anhang. Marx über Feuerbach. S 59—61.

женій, въ недостаточной степени подвергнутыхъ критическому анализу, или тѣмъ болѣе, благодаря просто увлеченію успѣхами какой-либо науки,—дѣло очень опасное. Исторія наукъ даетъ много примѣровъ, подтверждающихъ это положеніе. Предметы одной области человѣческаго знанія могутъ имѣть такія своеобразныя особенности по сравненію съ предметами другой области, что перенесеніе методовъ и принциповъ одной науки въ другую лишь затормазило бы развитіе послѣдней.

Внѣшняя природа и человѣческое общество какъ разъ и представляютъ изъ себя предметы познанія съ такими именно особенностями, которыя рѣшительно не дозволяютъ изслѣдовать ихъ съ точки зрѣнія однихъ и тѣхъ же принциповъ и при посредствѣ одного и того же метода. Если мы будемъ стремиться изъ соціологіи сдѣлать такую же точно науку, какую представляютъ собой естественныя науки, у насъ неизбѣжно разрушится самое понятіе о наукѣ, какъ о системѣ общеобязательныхъ и необходимыхъ истинъ; наука въ этомъ случаѣ потеряетъ свою логическую общезначимость и снизойдетъ на степень ряда простыхъ субъективныхъ требованій ограниченнаго человѣческаго сознанія; она будетъ служить уже не выраженіемъ общечеловѣческаго сознанія, а проявленіемъ частнаго вида сознательной человѣческой дѣятельности, будетъ наукой не вообще не, „для всѣхъ“, а лишь „наукой для нѣкоторыхъ“.

Въ самомъ дѣлѣ обратимъ свое вниманіе на слѣдующую особенность, отличающую человѣческое общество отъ внѣшней природы. Человѣкъ, видоизмѣняя природу, не отмѣняетъ дѣйствія ея силъ и законовъ. Онъ не вноситъ въ этомъ случаѣ въ природу чего-либо новаго, способнаго въ дальнѣйшемъ въ природѣ само собою развиваться; онъ только производитъ новую группировку ея явленій, болѣе соотвѣтствующую его цѣлямъ. Силы же природы дѣйствуютъ, не зная его плановъ и намѣреній и не считаясь съ ними. Вслѣдствіе этого каждая подобная группировка продолжаетъ существовать лишь благодаря усилію и труду человѣка, лишь благодаря постоянному

напряженію его сознанія. Сколько бы времени ни протекло со дня начала ея существованія, человѣкъ вполнѣ увѣренъ, что въ дальнѣйшемъ ея существованіе потребуетъ отъ него новыхъ трудовъ. Какъ бы человѣкъ ревностно ни трудился надъ культурой, и какое бы долгое время ни измѣряло этого процесса, никогда не наступитъ такого момента, когда эта культура не потребовала бы отъ человѣка болѣе никакого труда и напряженія. Всегда природа останется для него внѣшней, чуждой; всегда она въ своихъ дѣйствіяхъ не будетъ считаться съ его желаніями, и потому всегда его желанія будутъ заставлять его бороться съ ней, какъ съ своимъ врагомъ. Всегда природа будетъ представляться человѣку въ видѣ океана, волны котораго медленно, но вѣрно разрушаютъ воздвигнутый имъ молъ.

Но въ такомъ ли положеніи является предъ человѣкомъ его общество? Естественно нѣтъ. Здѣсь, въ этой области, человѣкъ своей дѣятельностью можетъ вносить дѣйствительно нѣчто новое, способное къ дальнѣйшему самостоятельному развитію. Въ обществѣ, какъ во всемъ, что живо само по себѣ или состоитъ изъ живыхъ существъ, одно можетъ атрофироваться и отмирать; другое, въ замѣнъ этого, нарождаться и дѣйствовать. Извѣстно, что наши инстинкты могутъ развиваться, если въ пору своего созрѣванія находятъ себѣ удовлетвореніе, и глохнуть, если такого условія въ наличности не оказывается. Всѣ наши склонности и привычки могутъ быть очень дѣятельными и могутъ при нѣкоторыхъ условіяхъ чрезъ нѣкоторое время значительно ослабѣть. Если же мы возьмемъ значительный промежутокъ времени, то онѣ могутъ и совсѣмъ погаснуть. Несомнѣнно, что первобытный человѣкъ или дикарь въ этомъ отношеніи значительно отличается отъ современнаго культурнаго человѣка. Было, напр., время, когда законъ мести съ роковой необходимостью опредѣлялъ дѣйствія человѣка; для современнаго же человѣка этого закона не существуетъ. Отсюда мыслимо, что законы, управляющіе жизнью общества въ извѣстное время, могутъ въ другое время совер-

шенно исчезнуть, и въ обществѣ будутъ господствовать другіе законы. Допустимъ, напр., что въ современномъ обществѣ основнымъ мотивомъ поведенія человѣка служитъ личный, эгоистическій интересъ. Допустимъ также, что какой-либо соціальный реформаторъ, принявъ это во вниманіе, создастъ такой строй общества, при которомъ человѣкъ въ своей дѣятельности прежде всего будетъ останавливать свое вниманіе не на личномъ интересѣ, а на общемъ благѣ. Вполнѣ мыслимо, что чрезъ нѣкоторое время,—разумѣется, значительное,—члены этого общества будутъ руководиться въ своей жизни альтруистическими чувствами, эгоизмъ же будетъ постепенно ослабѣвать и наконецъ окончательно замретъ.

Такой особенности общества, какъ предмета нашего знанія, по сравненію съ внѣшней природой не могутъ отрицать и сами марксисты. И съ точки зрѣнія ихъ ученія законы, управляющіе жизнью будущаго соціальнаго общества, не будутъ тѣми же законами, которые господствуютъ въ обществѣ въ настоящее время при капиталистическомъ производствѣ. Современные соціальные законы исчезнутъ, и въ замѣнъ ихъ начнутъ дѣйствовать другіе, новые. Общество уже будетъ не тѣмъ, что оно представляло собою ранѣе. Если въ современномъ обществѣ, по ученію марксизма, господствуютъ эгоизмъ и стихійное начало, то въ будущемъ соціалистическомъ обществѣ будутъ царить исключительно разумъ и сознаніе. „Вмѣстѣ съ переходомъ средствъ производства, говоритъ, напр., Энгельсъ, въ руки всего общества устраняется товарное производство и вмѣстѣ съ тѣмъ господство продукта надъ производителями. Анархія внутри общественнаго производства замѣняется планомѣрной сознательной организаціей. Борьба за существованіе прекратится. Только тогда выдѣлится человѣкъ окончательно изъ животнаго царства, перейдетъ изъ зоологическихъ условій существованія въ дѣйствительно человѣческія. Всѣ условія жизни, созданныя людьми и подчинявшія до сихъ поръ человѣка, подчинятся теперь сами людямъ и ихъ контролю, и люди впервые явятся сознательными, дѣйствительными госпо-

дами природы, такъ какъ они будутъ господами своего собственнаго обобществленія. Законы ихъ собственной общественной дѣятельности, которые до сихъ поръ противопоставлялись имъ, какъ чуждые, господствующіе надъ ними,—эти законы будутъ примѣняться людьми съ полнымъ пониманіемъ дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняться ихъ контролю. Собственно обобществленіе людей, которое имъ до сихъ поръ какъ бы навязывалось природой и исторіей, станетъ теперъ ихъ собственнымъ свободнымъ дѣломъ. Объективныя, чуждыя силы, господствовавшія до сихъ поръ въ исторіи, подпадутъ подъ контроль самихъ людей. Только тогда люди будутъ вполнѣ сознательно создавать свою исторію, только тогда приводимые ими въ движеніе историческіе факторы будутъ во все большей и большей мѣрѣ давать желанные результаты. Это будетъ прыжкомъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы“[1]).

Такимъ образомъ и по мнѣнію самихъ марксистовъ, въ будущемъ соціалистическомъ обществѣ будутъ царить совсѣмъ не тѣ законы, которые господствуютъ въ обществѣ въ настоящее время.

Правда, на это можно сказать, что и въ данномъ случаѣ нѣтъ рѣчи о замѣнѣ однихъ законовъ другими въ собственномъ смыслѣ этого слова. И въ будущемъ соціалистическомъ обществѣ законы останутся тѣже самые, которые господствуютъ и въ настоящее время, т. е. экономическіе законы, законы, управляющіе производствомъ и распредѣленіемъ. Перемѣна коснется только субъективной области. Ранѣе эти законы, какъ неизвѣстные человѣку, возвышались надъ нимъ и низводили его на уровень животнаго, гнели и давили его; въ дальнѣйшемъ же, съ совершеннымъ познаніемъ ихъ, человѣкъ освободится изъ подъ ихъ тиранніи и подчинитъ ихъ своему контролю. „Дѣйствующія въ обществѣ силы, говоритъ Энгельсъ, дѣйствуютъ совершенно такъ же, какъ и силы природы: слѣпо, насильственно и разрушительно до тѣхъ поръ, пока мы

[1]) Философія, политическая экономія, соціализмъ. Стр. 306—307.

не знаемъ ихъ и не будемъ считаться съ ними. Но разъ мы ихъ узнали, поняли ихъ дѣйствія, ихъ направленіе, тогда только отъ насъ зависитъ все болѣе и болѣе подчинять ихъ своей волѣ и посредствомъ ихъ достигать своихъ цѣлей. И особенно это примѣнимо къ современнымъ могучимъ производительнымъ силамъ. Пока мы упорно отказываемся понять ихъ характеръ—а этому пониманію противится капиталистическій способъ производства и его защитники—до тѣхъ поръ эти силы дѣйствуютъ, несмотря на насъ, противъ насъ, до тѣхъ поръ подчиняютъ онѣ насъ. Но разъ мы проникли въ ихъ свойства, мы можемъ превратить ихъ въ рукахъ ассоціированныхъ представителей изъ демоническихъ господъ въ покорныхъ слугъ. Таково различіе между разрушительной силой электричества въ блескѣ молніи и въ укрощенномъ электричествѣ, примѣняемомъ въ телеграфѣ и въ освѣщеніи, различіе между пожаромъ и огнемъ, дѣйствующимъ на службѣ у человѣка“[1]).

Но въ томъ и заключается особенность внѣшней природы по сравненію съ человѣческимъ обществомъ, что ея силы и законы, и будучи познаны человѣкомъ, не сливаются съ его сознаніемъ, а остаются одинаково ему внѣшними и чуждыми. Познавая ихъ, человѣкъ подчиняетъ ихъ своему контролю, но подчиняетъ не въ томъ смыслѣ, что они естественно въ силу самаго процесса его познанія начинаютъ ему служить, а въ томъ, что его познаніе даетъ ему возможность произвести на нихъ внѣшнее воздѣйствіе, построить какой либо аппаратъ или машину и заставить ихъ дѣйствовать съ такимъ напряженіемъ и въ такомъ направленіи, какія указываются этими его орудіями. Электричество можетъ служить человѣку, но пока имѣются въ наличности телеграфный аппаратъ и проводы. Огонь можетъ также быть эксплуатируемъ человѣкомъ, но снова пока есть какая-нибудь паровая машина. Отсюда, если проводить аналогію между силами, дѣйствующими въ

[1]) Цит. соч. Стр. 301—302.

внѣшней природѣ и въ человѣческомъ обществѣ, то нужно сказать, что экономическіе законы, создающіе человѣческое общество, и въ будущемъ соціалистическомъ обществѣ останутся внѣшними и чуждыми человѣческому сознанію и будутъ подчиняться контролю человѣка лишь въ той степени, въ какой онъ внѣшнимъ образомъ будетъ воздѣйствовать на нихъ, напр., поддерживать извѣстный принудительный общественный порядокъ, эту своего рода соціальную машину.

Но подобное толкованіе не можетъ быть принято марксистами. По ихъ мнѣнію, законы, управляющіе дѣятельностью сознанія, не иные, а тѣже самые экономическіе законы, которыя проявляются въ обществѣ. Поэтому всякая принудительная общественная организація, какъ, напр., современное государство для нихъ есть лишь плодъ незнанія или нежеланія знать эти законы. „До сихъ поръ существовавшее, говоритъ Энгельсъ, основанное на классовыхъ противорѣчіяхъ, общество нуждалось въ государствѣ, какъ въ организаціи эксплуатирующихъ классовъ для поддержанія внѣшнихъ условій производства, а именно для насильственнаго сдерживанія эксплуатируемыхъ классовъ въ условіяхъ, данныхъ существующимъ способомъ производства (рабство, крѣпостничество и наемный трудъ)“. Но „какъ скоро ни одинъ общественный классъ не будетъ въ подчиненіи, какъ скоро съ классовымъ господствомъ и основанной на современной анархіи производства борьбой за существованіе и вытекающими отсюда коллизіями будетъ покончено, не понадобится такая сила, какъ современное государство“[1]). Но если въ будущемъ соціалистическомъ государствѣ не будетъ надобности ни въ какой соціальной машинѣ, то должно быть ясно, что никакая аналогія между силами, дѣйствующими во внѣшней природѣ и въ человѣческомъ обществѣ, на самомъ дѣлѣ не возможна, такъ какъ человѣкъ никогда не заставитъ естественно, безъ посредства машинъ служить себѣ стихійныя силы природы.

---

[1]) Цит. соч. Стр. 302—303.

Если же такъ, то стремленіе стать въ отношеніи къ обществу въ тоже положеніе, въ какомъ человѣкъ находится въ отношеніи къ внѣшней природѣ, и изслѣдовать соціальныя явленія съ точки зрѣнія тѣхъ-же принциповъ и при посредствѣ того-же самаго метода, которые оказались плодотворными при изслѣдованіи явленій внѣшней природы, — стремленіе ложное въ самой своей основѣ. Поэтому высказываемое въ марксистской наукѣ положеніе, что человѣкъ, лишь познавая законы, управляющіе жизнью общества, можетъ воздѣйствовать на общество планомѣрно и цѣлесообразно, что и въ соціальной области разумъ человѣка лишь тогда пріобрѣтетъ себѣ господство. когда онъ подчинится господствующимъ здѣсь законамъ, есть не что иное, какъ афоризмъ, сохраняющій свой смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока мысль человѣка вмѣсто общества подставляетъ себѣ другой предметъ—внѣшнюю природу. Но какъ только мы начинаемъ вдумываться дѣйствительно въ общество, какъ предметъ своего знанія, афоризмъ этотъ блѣднѣетъ и теряетъ всякій болѣе или менѣе опредѣленный смыслъ.

Представитель естественныхъ наукъ можетъ утверждать, что онъ въ той лишь степени овладѣваетъ природой, въ какой, отрѣшаясь отъ своихъ субъективныхъ расположеній, заставляетъ свой разумъ усматривать въ природѣ именно то, что въ ней есть. Его теорія и практика проводятъ послѣдовательно одну и туже точку зрѣнія и поэтому могутъ взаимно поправлять одна другую. Въ своей теоріи онъ руководится понятіемъ бытія, изслѣдуя то, что „есть“, въ чемъ, если и происходятъ перемѣны, то только въ силу внѣшнихъ причинъ, для опредѣленія которыхъ разумъ нуждается не въ какомъ либо внутреннемъ своемъ измѣненіи или внутреннемъ переживаніи какого либо особаго начала, а въ точномъ разсмотрѣніи воспріятій, доставляемыхъ ему опытомъ, и въ такой ихъ систематизаціи, которая бы точно соотвѣтствовала строгому единству, наблюдаемому въ логическомъ теченіи мыслей. Вслѣдствіе этого, запрещая себѣ при познаніи природы растолковывать

ея образъ по аналогіи съ собой, заставляя свой разумъ усматривать силы, дѣйствующія именно въ природѣ, какъ чуждой и внѣшней по отношенію къ себѣ средѣ, другими словами, подчиняясь природѣ, онъ вовсе не воспринимаетъ стихійность въ область своего сознанія; напротивъ онъ тѣмъ самымъ только освобождаетъ свое сознаніе, какъ сознаніе опредѣленной ограниченной личности отъ присущей ему субъективной односторонности и условности и ставитъ себѣ нормой сознаніе общечеловѣческое. Такимъ образомъ въ дѣйствительности представитель естественныхъ наукъ подчиняется въ процессѣ своего познанія не природѣ, а нормамъ общечеловѣческаго логическаго мышленія. Если онъ и можетъ до нѣкоторой степени (но не вполнѣ) отстранить отъ себя рѣшеніе философскихъ вопросовъ о природѣ такого нормальнаго общечеловѣческаго сознанія, и въ качествѣ доказательства правильности своихъ воззрѣній указывать исключительно на практику, то это не потому, чтобы онъ считалъ нормальное общечеловѣческое сознаніе неимѣющей самостоятельнаго значенія фикціей (вѣра въ логику для него безусловно необходима), а потому, что въ своей практикѣ онъ руководится тѣмъ же понятіемъ внѣшняго сознанію бытія, что и въ своей теоріи. Онъ прекрасно понимаетъ, что въ процессѣ познанія природы онъ, держась нормъ общезначимаго логическаго мышленія, какъ началъ надприродныхъ, не измѣняетъ природы, и что поэтому, если его предположенія неправильны, если онъ точно не опредѣлилъ въ дѣйствительности законовъ природы, то его попытка воздѣйствовать на природу не будетъ имѣть ровно никакого успѣха. Его практика такимъ образомъ, если не непосредственно, то косвенно можетъ подтверждать справедливость его предположеній и рѣшительно говоритъ объ ихъ несостоятельности. Отъ отрицанія слѣдствія, какъ извѣстно, можно заключать къ отрицанію основанія (modus tollens); отъ положенія же слѣдствія прямо заключать къ положенію основанія нельзя; чтобы имѣть право на такой выводъ, надобно, строго проанализировавши отношеніе между данными основаніемъ и слѣд-

ствіемъ, показать, что для извѣстнаго слѣдствія и мыслимо только одно основаніе.

Въ другомъ совершенно положеніи находится соціологъ. Онъ имѣетъ дѣло не съ тѣмъ только, что „есть", но и съ тѣмъ, что растетъ, развивается и потому находится постоянно въ процессѣ измѣненія. Его предметъ познанія,—общество,—не противостоитъ познанію, какъ нѣчто внѣшнее, способное воспринимать перемѣны лишь подъ вліяніемъ причинъ, снова сторонникъ познанію; здѣсь предметъ можетъ измѣниться вмѣстѣ и подъ вліяніемъ самаго познанія. Предъ соціологомъ общество не является въ видѣ внѣшней и чуждой его сознанію среды, которую онъ только познаетъ и можетъ познавать, ставя себѣ нормой не свое индивидуальное, а общечеловѣческое сознаніе. Онъ самъ является членомъ этого общества, и несомнѣнно, что одни общественныя явленія его радуютъ, другія приводятъ въ негодованіе, одни онъ признаетъ цѣнными, хорошими, другія отвергаетъ, какъ постыдныя. Поэтому соціальная наука можетъ выдержать характеръ науки, какъ системы общеобязательныхъ и необходимыхъ истинъ, только при условіи исповѣданія идеала, какъ начала, способнаго нормировать ограниченное и условное сознаніе того или другого индивидуума. Если же соціологъ, отрѣшаясь отъ вѣры въ идеалъ, отнесется къ обществу, какъ внѣшней и чуждой себѣ средѣ, и будетъ стремиться увидать въ немъ лишь однѣ стихійныя силы, то тѣмъ самымъ онъ только искусственно противопоставитъ себя обществу и на мѣсто нормальнаго общечеловѣческаго сознанія возведетъ свое индивидуальное, ограниченное сознаніе. Отказываясь отъ сознанія съ тѣмъ, чтобы, ближе разсмотрѣвши дѣйствующія въ обществѣ стихійныя силы, потомъ подчинить ихъ своему контролю, соціологъ забываетъ, что для осуществленія послѣдней цѣли у него нѣтъ уже болѣе средствъ, такъ какъ, отказываясь отъ сознанія, онъ не отказывается, подобно представителю естественныхъ наукъ, только отъ своей индивидуальной ограниченности во имя всеобщаго нормальнаго сознанія, а всецѣло подчиняется природѣ, вбираетъ стихій-

ность внутрь себя; и, если продолжаетъ говорить о разумѣ и сознаніи, то только потому, что свой индивидуальный разумъ возводитъ логически незаконно на степень общечеловѣческаго.

Такимъ образомъ попытка ввести въ соціологію методы и принципы естественныхъ наукъ съ необходимостью должна завершиться разрушеніемъ понятія о наукѣ, какъ о системѣ всеобщихъ и необходимыхъ истинъ, и низведеніемъ науки на степень положеній, требуемыхъ ограниченнымъ индивидуумомъ съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность посмотрѣть на себя, какъ на носителя общечеловѣческаго, нормальнаго сознанія. Такой характеръ дѣйствительно и отличаетъ марксистскую науку. Въ ней „разумное сознаніе“ является синонимомъ „пролетарскаго сознанія“. Если удалить на моментъ изъ этой науки пролетарія, поставивъ на его мѣстѣ вообще человѣка, ложность ея тотчасъ вскроется ясно, такъ какъ въ этомъ случаѣ одинъ и тотъ-же человѣкъ въ одно и тоже время долженъ былъ бы исповѣдывать и свою пассивность въ отношеніи стихійныхъ силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, другими словами, свою ненормальность, и свою возвышенность надъ ними, или свою нормальность, что естественно не возможно. Между тѣмъ съ раздѣленіемъ общества на буржуазію и пролетаріатъ это становится какъ будто возможнымъ. Пролетаріатъ смотритъ на современное общество, какъ на организованную защиту интересовъ буржуазіи, слѣдовательно, какъ на среду чуждую и враждебную себѣ; видитъ въ немъ слѣпо дѣйствующія стихійныя силы, другими словами, признаетъ его ненормальность; съ другой стороны онъ остается самимъ собой, съ своими планами и цѣлями. Отсюда для него становится какъ будто возможнымъ на свою стихійную вражду противъ этого общества, какъ общества недолжнаго или ненормальнаго, посмотрѣть, не какъ на подчиненіе природѣ, а какъ на выраженіе торжествующаго надъ природой разума. На этомъ пролетарскомъ сознаніи и зиждется марксистская наука. Поэтому, чтобы принять марксистскую науку, надобно напередъ увѣровать въ миссію пролетаріата. Марксизмъ такимъ образомъ вполнѣ походитъ на

религіозное ученіе. Представитель опредѣленной религіи отвергаетъ всѣ другія, выставляя въ противовѣсъ имъ свою, какъ единственно истинную. Чтобы принять такое его ученіе, мы должны напередъ увѣровать въ его мистическую миссію. Своеобразная мистика лежитъ въ основѣ и марксистской науки. Отчасти это сознается и самими марксистами. По крайней мѣрѣ Каутскій очень ясно говоритъ, что „и въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка ни Энгельсъ, ни Марксъ, несмотря на свой геній и подготовительную работу, совершенную новыми науками, не могли бы открыть матеріалистическаго пониманія исторіи, если бы не стояли на точкѣ зрѣнія пролетаріата, т. е. не были соціалистами. И это было безусловно необходимо для открытія такого пониманія исторіи. Въ этомъ смыслѣ оно является пролетарской философіей, а противостоящія ему воззрѣнія—философіей буржуазной“[1]).

---

[1]) Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи Пер. съ нѣм. подъ ред. Дана Спб. 1906 Стр. 78.